

ФЕНОМЕН ЖЕЛАНИЯ: «ПРОИЗВОДСТВО» – ИНТЕНСИВНОСТЬ – ЭКСТАЗ

Французская философия актуализировала феномен желания для миропонимания формирующегося глобального мирового пространства. В работе предпринята попытка выяснить «структуру» желания и рассмотреть интенсивность желания как естественную склонность человека к экстатическим состояниям. Показано, что «производство» желания осуществляется как циклический процесс (рекурсия) в соответствии с принципом RE, предложенным Э. Мореном. Интенсивность желания непосредственно обусловлена потребностью человека, обладающего речью переживать экстатические состояния.

Ключевые слова: человек, производство желания, экстатические состояния, общество, общественное производство, самоорганизующиеся системы.

Французька філософія актуалізувала феномен бажання задля світорозуміння глобального світового простору, що формується. В роботі здійснена спроба з'ясувати «структуру» бажання та розглянути інтенсивність бажання у якості природної схильності людини до переживання екстатичних станів. Показано, що «виробництво» бажання здійснюється як циклічний процес (рекурсія) у відповідності з принципом RE, що запропоновано Е. Мореном. Інтенсивність бажання безпосередньо обумовлена потребою людини, що володіє мовою переживати екстатичні стани.

Ключові слова: людина, виробництво бажання, екстатичні стани, суспільство, суспільне виробництво, самоорганізаційні системи

French philosophy has brought desire topic for an understanding of global world order being formed today. There is made an attempt to detect «structure» of desire and to consider intensity of desire as well as constitutional bias towards the ecstatic states experience. There is showed that «desiring-production» realizes

like cyclical process (recursion) in compliance with paradigm RE which was offered by E. Morin. The intensity of desire is caused person demand who has discourse to have the ecstatic states experience.

Key Words: person, desiring-production, ecstatic states, society, social production, self-organization systems.

Познавая действительность, философская традиция, так или иначе, всегда касалась феномена человеческих желаний. Желание общения, желание обладания, желание стать объектом восхищения – количество человеческих желаний не ограничено, список открыт и может быть дополнен по усмотрению. Французские мыслители Ж. Делез и Ф. Гваттари сделали феномен желания основным предметом исследования в своей философии. Они утверждали, что всякое общество непосредственно обусловлено производством желания «индивидуальными машинами» и является для социокультурного пространства исторически данным продуктом [1, с. 48]. Изменив угол зрения, они переместили фокус внимания с цели человеческих желаний на само желание и уверенно утверждали, что исторический процесс социального производства воссоздает не что иное как поле желания. Учитывая значимость философского дискурса Ж. Делеза и Ф. Гваттари для миропонимания формирующегося децентрализованного глобального мирового пространства [6, часть 1], представляется актуальным рассмотреть феномен желания, в качестве одной из основных антропологических характеристик человека. Цель работы заключается в попытке раскрыть механизм становления желания. Для этого предполагается решить задачи выявления «структуры» желания и рассмотрения его интенсивности как естественной склонности человека к экстатическим состояниям. С целью решения указанных задач предполагается объединить в одной теоретической плоскости философские воззрения Э. Морена, Ж. Делеза и Д. Н. Овсяннико-Куликовского.

Конечно, ведущие идеи синергетики давно присутствуют в постмодерне, давая почву для понимания культурологических и исторических процессов, как саморегулирующихся и хаотических. Да и использование результатов, полученных при исследовании языковых структур также созвучно духовным исканиям нашего времени. Тем не менее, новизна данной работы состоит в том, что результаты исследования известного лингвиста Д.Н. Овсяннико-Куликовского и ведущего специалиста в области теории сложных систем Э. Морена впервые будут использованы одновременно в качестве философской подоплеки для решения вышестоящей задачи.

Человек, по образному выражению Делеза и Гваттари, настолько машина по производству желания, что само желание оказывается производством. Основываясь на марксистской критике ложного сознания, которая тесно связана не только с разделением труда и капиталом, но и с дихотомиями человек-природа, общество-природа, Делез и Гваттари утверждают, что не существует взаимонезависимых категорий, таких как человек, общество, природа, производство, потребление. Все они взаимосвязаны в перспективе родовой жизни человека, где индустрию (как категорию) можно рассматривать не с точки зрения полезности, а как производство человека с использованием человека же. Таким образом, Делез и Гваттари представляют человека и природу «как одну и ту же сущностную реальность производителя и продукта» [1, с. 27].

Производство желания такими взаимосвязанными человеческими «машинами желания» осуществляется как *циклический процесс*, что не сводится к результату, хотя имеет завершение (как завершение витка цикла, но не всего процесса), и не устремлено в бесконечность, в сторону «неистовой интенсификации» [1, с. 28]. Циклическое производство – имманентный принцип желания. Такой процесс может быть достаточно хорошо описан универсальной парадигмой RE, что была предложена другим французским автором, одним из ярких представителей послевоенного поколения мыслителей, Э. Мореном. По словам одного из исследователей его творчества, Э. Морен не только представил обширное наследие знаний, но и являет собой «большой пример интеллектуальной свободы» [7].

Морен говорит обо всех объектах в природе и культуре, как о «машинах-существованиях», которые самосоздаются и самообновляются в и через повторение (repetition) процессов, обновление (renewal) компонентов, повторное стабилизирование (restabilizing) стационарного состояния [8]. Бесконечный массив повторяющихся процессов в природе и культуре доказывает, что непрерывное циклическое повторение или рекурсия (recursion) – основная деятельность, что подтверждает жизненные процессы на всех уровнях. Посредством этого процесса осуществляется коммуникация или связь между вещами, которые иначе были

бы разделены, как в случае воссоединения (re-unite) и религии (re-ligion). Морен предлагает приставку «ге» рассматривать как макро-принцип, требующий радикального осмысления и обозначает его заглавными буквами «RE». Этот принцип RE существует и в искусственных машинах, но относится только лишь к производству действий, эффектов, объектов. Искусственные машины никогда самостоятельно не восстанавливаются полностью. Пока, во всяком случае. Их восстанавливают люди. RE в полной мере относится только к существованию, экзистенции, индивидуальности. В живом организме каждый удар сердца, каждое дыхание – это разворачивание питания и детоксикации, своего рода обновление (regeneration). Благодаря этому происходит непрерывная реорганизация на клеточном и молекулярном уровнях. Тело в каждый настоящий момент времени должно быть, как бы перезапущено (restarted).

Философская традиция диалектического соединения противоположностей имплицитно содержится в мореновском утверждении, что всякая реконструкция себя сопровождается постоянным саморазрушением. Всякая видимая стабильность, стационарность – не более чем оптическая иллюзия, скрывающая повторяемую необъявленную работу воссоздания и саморазрушения, что запускает жизнь, размножает жизнь, отпочковывая ее от самой себя. RE работает на всех уровнях: от клетки до обществ и экосистем, от индивидуального бытия до организованной тотальности. Сложная экзистенция потому и сохраняется, что она постоянно, ежемоментно разрушается. Человеческие общества дальше всего от естественных ритмов жизни, но всегда настраивают свой календарь и часы по солнцу, луне, и планетам. Это оригинальная характеристика живого, производящего вихри и петли обратной связи ДНК. Восхищаясь своеобразием системы двойных кодов ДНК, Эдгар Морен, конечно, учитывая отличия функций и специфических характеристик, тем не менее, называет еще одну систему, обладающую двойной артикуляцией. Это речь, человеческий язык, который представляет собой мета-систему, где подсистемы (фонемы) сами по себе не специфичны, но путем комбинирования могут составить бесчисленное множество сообщений [3]. Даже наша сознательная, умственная жизнь – это далеко не «скала стабильности в воронке RE». Любая наша идея, говорит Морен, стратегия, мечта должны быть запомнены (remembered), и каждый сознательный опыт требует возврата (return) и размышления (reflection), переосмысления нашей субъективности/объективности на себе и в себе [8].

Несмотря на кажущееся подобие, мореновский жизненный принцип RE отличается от «вечного возвращения» Ницше и инстинкта смерти или Танатоса Фрейда. Помимо постоянного возобновления и непреодолимого разрушения, принцип RE содержит возможность для нововведений и открыт преобразованиям. Морен подчеркивает важность различения этих понятий [8, p. 262]. Чтобы избежать мистификации RE, Морен помещает этот принцип в центр авто-, эко- и социо- организации. Жизнь является организационной по своей природе и принадлежит, по выражению Морена, к «семейству Приспособлений» [4, с. 327]. Живые существа – производители самих себя, «производящая организация и реорганизуемая организация, замкнутая в петлю организация и открытая организация» одновременно. Человек – живая машина, только не в старом смысле часового механизма, а жизнь – «поли-супер-мета-машина». Поэтому, делает вывод Морен, бытие, которое живет в антропо-социальной сфере, обладает «почти неумолимой потенцией повторного начала и реорганизации», что сохраняет и питает человеческое общество. Таким образом, Морен поднимает приставку RE до уровня парадигмы и присваивает очень романтический статус «творческого импульса эволюции».

Э. Морен и Ж. Делез пришли к характеристике социальной сферы и индивидуума как машины, исходя из различных областей знания. Э. Морен – один из ведущих специалистов трансдисциплинарных исследований, базирующихся на теории сложных систем. Ж. Делез в совместном творчестве с Ф. Гваттари питал свои идеи достижениями и неудачами психоанализа. Вероятней всего, ключевым для понимания идеи «человек-машина» является концепция циклического процесса. Но речь идет об открытом цикле, который, размыкая круг, генерирует начало другого или других циклов. Как циклическая машина, человек безостановочно производит желание, которое «извергается, течет и прерывает течение» потому что всегда есть другая машина, подключенная к первой (условно первой) для того, чтобы осуществлять разрыв, исключать из потока [1, с. 28]. Аналогичным образом, конституирующий жизненный принцип RE, воссоздавая желание, одномоментно саморазрушает его для того, чтобы повторно воссоздать вновь, реализуя творческую приспособляемость. Возвращаясь к так называемому «списку желаний» в начале статьи, уже с уверенностью можно сказать, что

открытый список таковым и останется. Не исчислимо число человеческих желаний. Машины беспрестанно производят поток, осуществляют разрыв, исключения только для того, чтобы перезапустить этот процесс вновь. Красноречиво иллюстрирует вышесказанное эпизод из сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» [*1]. Почему же все-таки «до самого красивого» не дотянуться никогда? Существуют ли условия, при которых «всепожирающее» желание будет удовлетворено?

Реабилитация «законности» желания индивида, интерес к «неразумному иному» стал возможен благодаря «лингвистическому перевороту» (выражение Хайдеггера), который открыл путь постклассической критике модерна или постмодерну. Э. Морен, согласен с утверждением структуралистов о гетерогенности языка и опыта. Язык активизирует индивидуальное формирование смыслов, и индивид выражает не собственные переживания, а то, что может понять другой носитель языка, то, что предусмотрено языковым кодом или так называемой «глубинной грамматикой».

Речь – первая дискурсивная система высокой сложности, которая возникла вне системы био-организации. Учитывая тот факт, что даже самые архаичные, с точки зрения современника, племена имеют развитую структуру речи, имеет смысл утверждение «язык создал человека», а не наоборот [3, с. 97]. Однако для языковых практик необходим ряд факторов, в том числе генетические изменения, которые перестраивают черепную коробку, придают ей акустические способности восприятия широкого ряда звуков. Для того чтобы воспроизводить высокий уровень сложности антропо-социальной сферы требуется воссоздание Культуры в каждом отдельно взятом индивиде во время обучения, социализации. Таким образом, культура также нуждается в высокоразвитом мозге. По мнению Морена, культура «является структурой, которая радостно приветствует, какую бы то ни было биологическую мутацию, нацеленную в сторону усложнения мозга» [3, с. 102]. По выражению французского философа, интенсифицировавшийся, разросшийся мозг способствовал росту аффективности человека. Психоаффективные свойства взрывного характера, которые были унаследованы от приматов в том числе, с «разросшимся» большим мозгом *sapiens*'а превратились в сплошной избыток – *urbis* [*2]. Мало того, что количество наших желаний неизмеримо, так еще и амплитуда психических энергий такова, что просто удовлетворения желания человека-*sapiens*'а не достаточно, чтобы снять напряжение. Удовлетворение, к которому стремится человеческое существо – это удовлетворение в состоянии экзальтации. Всем хорошо известны психоаффективные свойства взрывного характера – способность человека к наслаждению, экстазу, опьянению, а с другой стороны – гнев, ярость, ненависть, – все эти свойства выражены у человека намного ярче, чем у многих приматов. Насилие, которое у животных проявляется при добывании пищи и защите от нападений, у человека «срывается с цепи», превышая меру.

В архаических обществах при помощи ритуалов, танцев, с использованием специальных настоев, сакральным или профанированным образом осуществлялся поиск и разрешение таких экзальтированных состояний. По убеждению Морена, эти состояния соединяют в себе «граничную неупорядоченность спазма или конвульсии, и граничную упорядоченность единения с Другим, с общиной, с Вселенной» [3, с. 103]. Происходит акт партиципации, который переживается *sapiens*'ом как наивысший и наипрекраснейший. Такое состояние избавляет от беспокойства, превращает его в радость, а радость – в блаженство.

Практически в унисон с суждениями Э. Морена звучат умозаключения известного лингвиста Д.Н. Овсяннико-Куликовского, творившего на рубеже XIX-XX веков. В своем исследовании о связи языка, речи с общественными экстатическими состояниями [5] он прямо заявляет, что экстаз является одним из наиболее важных культурно-психологических факторов общества. Овсяннико-Куликовский говорит о том, что природа языка, уже сама по себе содержит элемент экстаза. Ритм, что является основной причиной экстатического действия музыки, танцев, содержится и в самой речи, особенно – в поэзии. Пение гимнов служит причиной культового экстаза, но, в то же время, идея об экстатическом происхождении «речи-пения» (термин Овсяннико-Куликовского) также находит свое подтверждение во многих местах РигВеды. На ранних ступенях культуры поэт – это одновременно мудрый жрец, кудесник. Понятие «мудрости» не отделялось от понятия «экзальтации», соответственно – от человека, владеющего словом. Мудрец – это тоже, что и «вещий», человек экзальтированный, поэт. Славянское слово «мудр» этимологически тождественно с санскритским словом «*mandra*» [*3] (упоительный, чарующий, благозвучный) и возводится к корню, выражающему опьянение и экстаз «*mad*» [5, с. 27]. И здесь, Овсяннико-Куликовский задает интересные вопросы: а где

пролегає різка границя между речью поетической и речью непотической? Где різка границя между поетом и не поетом? Особенно на ранних стадиях развития, «поэзия сливалась с языком, сам язык был поэзия, и ритм, ему присущий, был жив и властен» [*4] [5, с. 102] Подчиняясь ритму сердцебиения и дыхания, речь человека «отливается» в форму ритмического сочетания слогов. Это неплохо согласуется с мореновским принципом RE. А далее, говорит Овсяннико-Куликовский, это ритмическое сочетание слогов разбивается на симметрические части и претворяется в гармонию речи под сложным воздействием этимологических и логических ударений, качества и количества гласных, различия высоких и низких нот, что первоначально было неразлучно от ударения. Со временем, обыденный язык утратил большую часть своей гармонии, которая выделилась в поэзию и пение.

Фантазия, воображение (своего рода «сны наяву»), также являются неотъемлемой характеристикой носителя языка, речи-пения. Современная ритмичная поп-музыка, клубная танцевальная субкультура с доминантой ритма, кино, где исключительно воображение зрителя «оживляет» образы экрана, – все это средства для удовлетворения бесчисленных, высокой аффективности человеческих желаний. Особо нужно отметить интернет-технологии, как наиболее интенсивно развивающуюся область в сфере игр-развлечений. Медийные сетевые средства позволяют при помощи воображения и нехитрых специальных устройств переместиться на любой концерт поп-звезды, на любую вечеринку или ток-шоу. Игры он-лайн дают возможность почувствовать себя как великим стратегом, создающим собственный мир, так и беспощадным полководцем, в ярости уничтожающим жизнь кровавыми побоищами. Все это служит для удовлетворения человеческих желаний.

Итак, исходя из всего вышеизложенного, можно сказать, что «производство» человеческих желаний осуществляется как самовоссоздающийся циклический процесс – рекурсия – в соответствии с принципом RE. Принцип RE, предложенный Э. Мореном несколько расширяет референтные рамки «машины желания» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Если Ж. Делез и Ф. Гваттари в контексте своей критики преувеличенной роли Эдипова комплекса и создания шизоанализа, призванного «разрушать, разрушать» [1, с. 313] характеризуют феномен желания как машинный процесс, не имеющий других целей существования, то привлечение принципа RE Э. Морена позволяет увидеть не просто машинный тук-тук-тук Мориса Равеля. Вероятно, отсутствие возможности в рамках капиталистических отношений (любых тоталитарных) должным образом реализовать высокую интенсивность, можно сказать, потребность в экстагическом состоянии, превращает производство желания на границе социального и индивидуального в шизофрению. Но как показано в работах того же Э. Морена и Д.Н. Овсяннико-Куликовского, склонность к таким состояниям, необходимость в их переживании – априорная характеристика носителя речи, человека-*sapiens*'а, его потребность в трансгрессии и трансцендировании. В этом отношении, Овсяннико-Куликовский дополняет несколько витализированный взгляд Э. Морена и доказывает, что обладание способностью речения и переживание экстагических состояний (причем общественных) являются не просто случайными характеристиками с высокой степенью корреляции, а взаимосвязанными атрибутами одного и того же создания человека-*sapiens*'а. Каждый период исторического времени по-своему разрешает нужду человека в таких экстагических состояниях. Но это уже тема следующего рассмотрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

*1. - Взгляните! – вдруг в восторге закричала Алиса. – Душистые кувшинки! До чего красивые! Прошу вас... давайте нарвем кувшинок.

Алиса подняла весла – лодка замедлила свой бег, и скоро течение тихонько поднесло ее к кувшинкам. Алиса осторожно засучала рукава и, погрузив руки по локти в воду, стала рвать кувшинки, стараясь, чтобы стебли были подлиннее. Волосы ее спутались и упали концами в воду, глаза жадно блестили; забыв о вязании и об Овце, она склонилась над бортом лодки и рвала прелестные кувшинки.

«Только бы лодка не перевернулась, – думала она. – Ой, какая красивая! Как бы мне до нее дотянуться!»

Обиднее всего было то, что хотя ей и удалось сорвать несколько крупных кувшинок, до самых красивых дотянуться она не смогла. («Можно подумать, что это они нарочно», – подумалось Алисе.)

- До самого красивого нікогда не дотянешься, – сказала нарконец Аліса со вздохом досады і випрямилась.

Щеки у неї раркраснелісь, с волос і рук ручьями текла вода. Она уселась на место і принялась разбирать цветы.

Что ей было до того, что они вяли на глазах, теряя свою свежесть і красоту? Но Аліса этого уже не замечала – вокруг творилось столько всего необычного! [2, с. 147]

*2. *ubris* – греческое слово, термин Э.Морена, которым он обозначает чрезмерные претензии человека, наглость, дерзость і т.д., что характеризует превышение меры

*3. В своем исследовании Овсяннко-Куликовский анализирует культ опьяняющего напитка божества Сомы (*Soma*), описанный в гимнах эпохи Вед, который существовал у индоевропейского пранарода до разделения. Ряд убедительных факторов доказывают, что культы греческого Вакха-Диониса, иранского Гаомы (*Haoma*) і индусского Сомы имеют общее происхождение.

*4. Интересно в этом отношении замечание Э.Морена, что с точки зрения строения голосовые органы человека ближе к голосовым связкам птиц, нежели приматов. Получается, что когда-то давно речь людей была подобна пению птиц? Мы общались между собой посредством исполнения трелей, рулад і бельканто?

ЛИТЕРАТУРА

1. Дельоз Ж. Капіталізм та шизофренія: Анти-Едіп / Ж. Дельоз, Ф. Гваттарі; [пер. з фр.]. – К.: Карме-Сінто, 1996. – 384 с.
2. Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране Чудес. Алиса в Зазеркалье / Л. Кэрролл; [пер. с англ.]. – Минск: Юнацтва, Іжевск: Урал-Бис, 1992. – 206 с.
3. Морен Е. Втрачена парадигма: природа людини / Е. Морен; [пер. з фр.]. // Філософська і соціологічна думка. – 1995. – № 5-6. – С. 90-109.
4. Морен Э. Природа Природы / Э. Морен; [пер. с фр.]. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
5. Овсяннко-Куликовский Д.Н. Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности, вь связи сь ролью экстаза на раннихх ступенях развития обществственности / Изь ХХХІХ т. Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета. – Одесса: тип. П.А. Зеленаго, 1883. – 240 с.
6. Хардт. М. Империя / М. Хардт, А. Негри; [пер. с англ.]. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
7. Maldonato M. On Edgar Morin / M. Maldonato. // World Futures: The Journal of General Evolution. – Jul-Sep., 2004. – V. 60. – Issue 5/6. – P. 457-462.
8. Morin E. RE: From Prefix to Paradigm / E. Morin. // World Futures: The Journal of General Evolution. – July, 2005. –V. 61. – Issue 4. – P. 254-267.